

«УЧЕНЫЕ ВО ВЛАСТИ» МУСУЛЬМАНСКОГО ВОСТОКА. ЭПОХА ТИМУРИДОВ

СЫЗДЫКОВА

Жибек Сапарбековна,

д-р ист. наук, проф., зав. каф. стран Центральной Азии и Кавказа Института стран Азии и Африки, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (125009, Россия, г. Москва, ул. Моховая, д. 11).
E-mail: ccca-iaas@yandex.ru

КАДЫРБАЕВ

Александр Шайдатович,

д-р ист. наук, проф., Институт востоковедения РАН (107031, Россия, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12).
E-mail: ccca-iaas@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается государственная деятельность просвещенных правителей средневекового мусульманского Востока. Анализируются события на территории Центральной Азии в период эпохи Тимуридов. Исследуются годы правления Улугбека, Байсункар-мирзы, Бабура, Навои. Делается вывод, что многогранный характер их таланта способствовал высоким достижениям и на государственном поприще.

Ключевые слова: Восток, Центральная Азия, Тимуриды, Хорасан, Герат, Мавераннахр, Самарканд, государственный деятель, султан, везирь, правитель, мусульманство, суфизм.

Вопросу изучения жизни и деятельности властителей средневекового Востока уделяется достаточное внимание в исторической литературе. Особое место отведено биографии самой известной среднеазиатской династий, Тимуридам, безусловно, они этого заслуживают. Темой данной статьи являются те правители, которые оставили след в истории не только как правители государства в традиционном понимании, а также сумели проявить себя прежде всего просвещенными деятелями своего времени. Заметим, что тема «ученые во власти» в империях и государствах на средневековом мусульманском Востоке еще не была объектом специального исследования. Между тем в источниках есть сюжеты на эту тему. Предметом нашего внимания в данном случае будут Тимуриды — Мухаммед Тарагай Улугбек, Байсункар-мирза и Захир-ад-дин Махмуд Бабур. В одном ряду с ними Алишер Навои, визирь — глава правительства при Тимуриде, султаны Хусейне Байкара, великий поэт и мыслитель, не принадлежавший к правящей династии.

И первое повествование будет об Улугбеке как государственном деятеле. Сложно говорить об Улугбеке — государственном деятеле на фоне его известности

как великого ученого. Следует признать, что на государственной стезе он не снискал значительных лавров, аналогичных тем, которыми отмечены его научные достижения. Внук великого завоевателя и государственного деятеля, величайшего деспота всех времен и народов, не ведающего жалости и сострадания к людям и целым народам, Тимура, или Тимурленга (Тамерлана — «Железного хромца»), неизменно вызывает в своих деяниях на государственном поприще ассоциации со своим воинственным дедом. Вместе с тем справедливости ради следует сказать, что великий Тимур внес немалую лепту в научные достижения своего внука. Хотя Тимур не получил образования и, по свидетельству написавшего о нем книгу в 1436–1437 гг. арабского ученого, историка Ибн Арабшаха, не знал даже грамоты, тем не менее кроме тюркского языка, он знал фарси и понимал по-монгольски. Беседуя с учеными и слушая своего киссахана — «чтеца рассказов» Маулана Абида, Тимур приобрел познания в нескольких науках, так что своей осведомленностью в вопросах истории смог удивить одного из выдающихся историков того времени Ибн Халдуна. Подробности мусульманского вероучения были усвоены им настолько, что он смог участвовать в религиозных диспутах. Архитекторы при возведении построек должны были руководствоваться художественными замыслами Тимура. По словам историка Хафиза Абру, современника и служителя его двора, Тимур никогда не отличался страстью к крепким напиткам. Из всех удовольствий, любимых властителями, Тимур увлекался охотой, игрой в нарды (кости), особенно игрой в шахматы и достиг в ней большого искусства. Все это, однако, не только не вызвало разлада между ним и той военной средой, из которой он вышел, но во многом способствовало его военным успехам. Своими познаниями в истории, особенно военной, он пользовался для воодушевления своих воинов примерами из героического прошлого. В военном деле Тимур был необыкновенным знатоком и даже новатором, по сути не проиграв ни одной войны и по праву стяжав славу великого полководца. Именно благодаря во многом его заботам Улугбек и Байсункар-мирза, как и другие дети и внуки, получили хорошее образование. Улугбек, подобно своему деду, ценил родство с Чингисидами и называл себя гурганом — зятем ханского «золотого рода» потомков Чингисхана и ревностно соблюдал, особенно в военных делах, все законы Чингисхана, назначая, по примеру Тимура, подставных ханов из числа Чингисидов в Самарканде.

И все же Улугбек был совсем не похож на своего великого деда, да и жил он в другое время, когда империя Тимуридов, повелевавшая огромной частью известного тогда мира, уже пережила пик своего могущества и распалась на отдельные государства. Сын Тимура и отец Улугбека, Шахрух, правивший в 1405–1447 гг., после смерти

Тимура до некоторой степени поддерживал мощь разрушавшейся империи, но уже тогда возникло фактически два государства — Шахруха с центром в Герате на землях нынешнего Афганистана, и Улугбека с центром в Самарканде. При этом Шахрух прекратил завоевательные походы против других стран и даже официальное обращение императора китайской династии Мин к нему как к своему вассалу, что китайские правители веками практиковали по отношению к другим странам и народам, не вызвало никакой реакции у гератского правителя, хотя в свое время подобное обращение к его отцу Тимуру со стороны минского императора Чжу Ди (Юнлэ) стало одной из причин похода «железного хромца» на минский Китай, и только смерть последнего спасла тогда Поднебесную.

Тернист был путь Улугбека к кормилу государственного управления: в пятнадцать лет отец назначил его правителем Самарканда. И в столь юном возрасте он испытал сложные перипетии в борьбе за власть. Уже в 1410 г. Улугбеку и его опекуну пришлось бежать из Самарканда под натиском войск бывшего военачальника своего деда — правителя Туркестана, претендовавшего на власть в Самарканде. С помощью войск Шахруха, который с воинами сам явился под стены Самарканда, мятежник был разбит. Но та власть, которой, казалось бы, обладал Улугбек в Самарканде, по сути была номинальной. Решения принимались опекуном, властью которого Улугбек все больше и больше тяготился и не раз жаловался на него отцу. И его просьбы были услышаны — с 1411 г. Улугбек становится не формальным, а фактическим правителем. Улугбек продолжал ездить к отцу на поклон в Герат, советовался с ним по важнейшим вопросам жизни государства, отчитывался о содеянном. Вместе с тем современники не считали Улугбека удельным князем или наместником. Практически он был самостоятельным правителем, но не доходил до открытого неповиновения отцу или разрыва отношений с ним, что было разумно не только с точки зрения моральной этики и семейных традиций, но и государственных интересов. Его отец, Шахрух, не отличался особыми государственными талантами и не был сильным государственным деятелем. Он не совершал новых крупных завоеваний, но принимал меры к развитию земледелия, покровительствовал торговле, уделял большое внимание развитию международных связей. Годы длительного правления Шахруха были годами относительного спокойствия, хотя в стране постоянно происходили мелкие мятежи и стычки.

Следует отметить, что первую закалку на ниве государственных забот Улугбек получил под началом своего деда Тимура. С детских лет Мухаммед Тарагай обнаружил такой ум и величие, проявил такое достоинство, что прозвали его Улугбеком — Великим князем.

Первые годы правления Улугбека, казалось, внушали оптимизм и надежды на будущее. В 1414 г. Улугбек осуществил успешные военные походы против Ферганы и Кашгара, присоединив их к своим владениям. Крупными успехами дипломатии Улугбека было возведение на троны правителей государства кочевых узбеков на территории современного Казахстана — Узбекского улуса, образовавшегося после распада Золотой Орды, и государства моголов — Моголистана на землях Восточного Туркестана и Семиречья (т. е. Юго-Восточного Казахстана и Северного Кыргызстана), появившегося в середине XIV в. на руинах Чагатайского улуса — одной из империй потомков Чингисхана, своих ставленников. Изначально слово «могол» означало «монгол», так произносилось и писалось народное название монголов в Средней Азии. Ко времени Улугбека моголами назывались уже тюркизированные кочевники Средней Азии и Кашгарии. Однако кочевые узбеки и моголы были беспокойными соседями, часто выходившими из повиновения, хотя первое время Улугбеку удавалось держать их в узде. Так, в 1425 г. он разгромил эмиров Моголистана у озера Иссык-Куль и у реки Или, захватил добычу, в том числе нефрит, пошедший на могильник Тимура.

Памятником тех событий является также надпись в Джилянугтинском ущелье на пути между Джизаком и Самаркандом, где Улугбек сообщает, что предпринял поход и «от того народа возвратился в эти страны невредимым». Но причудливы зигзаги судьбы — уже через два года войска Улугбека потерпели жестокое поражение от кочевых узбеков, причем произошло это во многом из-за беспечности и нераспорядительности самого Улугбека. Последствия поражения были печальными, победители опустошили страну. На помощь сыну прибыл с большим войском сам Шахрух. Виновники поражения из числа военачальников Улугбека были наказаны палками, а Улугбек отстранен от власти, которую ему отец все же затем вернул в виде милости.

После этого потрясения Улугбек потерял уверенность в себе на ратном поприще и не рисковал более возглавлять какие бы то ни было военные экспедиции. Да и действия тех отрядов, которые он направлял против кочевников, как будто по воле злого рока, как правило, были безуспешными. Правители кочевых узбеков выступили с территориальными претензиями к Улугбеку, потребовав, чтобы он вернул им земли, принадлежавшие их предкам-Чингисидам и завоеванные Тимуром. Не получив удовлетворяющий их ответ на свои требования, кочевые узбеки стали подвергаться опустошению Хорезм, Мавераннахр — междуречье Сырдарьи и Амударьи и даже доходили до Северной Персии, как тогда назывался Иран, «считая себя неограниченными правителями, и нагло притязали на власть в тех краях». Обеспокоенный этим, Улугбек в 1427 г. выступил в поход на кочевых

узбеков, но несмотря на численный перевес своих войск над противником, был разбит и бежал в Самарканд, позволив врагу свободно грабить страну.

Таким образом, Улугбек не стяжал военных лавров, но это трудно ставить ему в укор — это был как раз тот случай, когда неблагоприятные обстоятельства, что называется рок, или судьба, были выше его. «Жизнь наша предначертана в книге судеб», — гласит Священная книга мусульман — Коран.

Из внутрисоциальных мероприятий Улугбека следует отметить денежную реформу 1428 г. Ее роль была весьма положительна в упорядочении денежного обращения и торговли и соответствовала интересам большинства населения. Вероятно, при Улугбеке поземельный налог был меньше, чем после его смерти во второй половине XV столетия. Отсюда и слова современника: «Во время царствования своего отца Шахруха Улугбек 40 лет самостоятельно правил Самаркандом. Он придерживался похвальных правил в деле управления и правосудия».

Улугбек во многом был непохож на своего отца Шахруха — ревностного мусульманина. Атмосфера Самарканда резко отличалась от показного благочестия Герата. В Самарканде в это время устраивались пиры с музыкой и пением, на которых бывали женщины-певицы.

Улугбек был хорошо знаком с учением фикх (мусульманское законоведение). В своей работе *Шахри ала аль-фикх*, написанной в 1447 г. и посвященной Улугбеку, Алладин аль-Бухари подробно раскрывает данный вопрос.

В мусульманской системе образования его периода имелись две ступени. Это школы с начальным образованием и медресе. Их открытие оценивалось как служение Аллаху; обучение детей Корану, айатам из Корана было одной из самых важнейших задач. На стороне Улугбека был глава самаркандского мусульманского духовенства. Вместе с тем мнение, что Улугбек был врагом некоторых слоев мусульманского духовенства, не совсем верно. Ревнителю религиозного мусульманского права — шариата — не считали Улугбека своим сознательным и непримиримым врагом. С ортодоксальной мусульманской точки зрения Улугбек конечно же не был идеальным исламским правителем, все решения которого определялись бы правилами религии, но он не был также и тираном, ставящим свою волю выше предписаний Всевышнего — Аллаха и его пророка Мухаммада. Следует отметить, что религиозным учреждениям принадлежит заметное место среди самаркандских построек Улугбека. Эти великолепные здания не уступали сооружениям Тимура в художественном отношении и превосходили их прочностью. В 1417–1420 гг. Улугбек построил в Самарканде медресе, которое стало первым строением

в архитектурном ансамбле Регистан. В это медресе Улугбек пригласил большое количество астрономов и математиков исламского мира. Другие два медресе были построены в Гиждуване и Бухаре. На портале последнего сохранилась надпись (хадис пророка Мухаммада): «Стремление к знанию есть обязанность каждого мусульманина и мусульманки». Вообще, все многочисленные надписи на медресе призывают людей к занятиям науками.

Время правления Улугбека называют благословенной эпохой. Внутренняя политика Улугбека резко отличалась от политики его предшественников. Он стремился облегчить положение прежде всего земледельческого населения: земельные подати были сокращены до минимума. В 1428 г. он провел важную денежную реформу в стране, оказавшую благоприятное воздействие на экономику государства. Клад из Сузака Джалал-Абадской области, найденный в 1997 г., может послужить иллюстрацией к реформе Улугбека. Из 647 монет клада 592 принадлежали чекану Бухары, по 10 экземпляров приходится на эмиссию Самарканда и Термеза, еще несколько монет биты в Андижане, Шахрухии и Карши. Клад содержал и несколько дореформенных монет, отчеканенных в Самарканде и имеющих чечевицеобразный надчекан *нимданг* «полданга». Суть реформы сводилась к унификации медных монет во всем Мавераннахре для беспрепятственного хождения по всем городам. Выпуск новых монет и обмен их на старые по курсу, выгодному для казны, — явление, обычное для средневекового Востока. Однако реформа Улугбека, по мнению Е. А. Давидович, была проведена на благоприятных для населения условиях.

Мы мало знаем о положении во время его царствования народных масс. Но то, что земельные подати при нем были сведены до минимума, содействовало благосостоянию оседло-земледельческого населения. Хотя трудно утверждать, что Улугбек пользовался всеобщей любовью подданных, но восстаний в его государстве до 1447 г. не было. Только события последних лет его жизни, не вполне зависевшие от его воли, побудили войско и народ отвернуться от своего государя. Дело в том, что после смерти отца в 1447 г. Улугбек на некоторое время переехал в столичный Герат. Но в это время кочевые узбеки вторглись в округу Самарканда и осадили город. Улугбек был вынужден во главе войск вернуться в Самарканд, но на марше был атакован конной лавой кочевых узбеков, которые с диким визгом, пуская на скаку стрелы, на бешеном карьере, рубя направо и налево кривыми клинками, смяли боевые порядки его войска и нанесли ему большие потери. Это подорвало его авторитет правителя, население было недовольно тем, что власть не может пресечь грабежи, нападения и насилия. Да и научные его увлечения в ущерб государственным делам также сыграли свою негативную роль.

Пал он от руки своего сына Абд аль-Латифа и причиной его смерти все же было не увлечение наукой (как считалось до недавнего времени!), якобы вызвавшее заговор «мракобесного» мусульманского духовенства. Абд аль-Латиф, подобно отцу любил науку и ученых, занимался астрономией и поэзией, историей, хотя и с гораздо меньшим успехом. Но отвлеченность от мирских, государственных забот в условиях наставшей внутренней и внешней угрозы для жизни общества и существования государства предопределила гибель Улугбека. Ведь власть замешана на крови во все времена и у всех народов, и за право быть самим собой Улугбеку пришлось заплатить своей жизнью. В 1449 г. его сын ворвался в покои отца и обезглавил его. И мотивы этого преступления — борьба за власть. *Ля архама бейна-л-мулук* («Нет родственных связей между царями») — гласит арабская пословица. Но недолог был век нового правителя Самарканда. Через год после гибели Улугбека Абд аль-Латиф был свергнут с престола и убит. Пришедший к власти новый хан приказал похоронить останки Улугбека в родовом мавзолее Тимуридов со всеми надлежащими почестями. Мусульманские священнослужители прокляли со всех минаретов сына его, отцеубийцу, и сыграли не последнюю роль при перенесении останков Улугбека в мавзолей предков.

Другой образованный государственный деятель и просветитель средневековой эпохи, выходец из знаменитой династии, это внук Тимура, девятый правитель Мавераннахра Байсункар-мирза (1477–1499). Он был вторым сыном Султан Махмуд-мирзы, третьего сына Тимурида Абу Сеида. По словам Бабур, «он родился в восьмьсот восемьдесят втором году в области Хисара... Матерью его была Пашша биким. ...Он был большеглазый, полнолицый, среднего роста, красивый йигит с лицом туркмена... Это был справедливый, мягкий, веселый и достойный царевич. Наставником его был, говорят, Сейид Махмуд, шиит, поэтому Байсункар мирзу укоряли (в ереси). Позднее говорили, что в Самарканде от отказался от этих дурных убеждений и стал чист верой»¹.

После смерти отца в 1495 г., он встал во главе государства Тимуридов в Мавераннахре, и находился на вершине власти двенадцать лет с 1495 по 1497, хотя эти годы нельзя назвать мирными. Приходилось с оружием в руках отстаивать свою власть. Бабур отмечает, что Байсункар сражался в двух битвах, один раз – с Султан Махмуд-ханом, когда тот намеревался захватить Самарканд. Победа была за Байсункаром. Другой раз Байсункар-мирза, сразившись под Бухарой с Султан Али-мирзой, был побежден.

Бабур также отмечает литературный талант Байсункара, отмечая, что хорошо сочинял стихи, пользуясь литературным псевдонимом

¹ Бабур. Бабур-наме (Записки Бабур). Кн. 2. Ташкент, 1982.

(тахаллусом) Адили. «В Самарканде газели Байсункар мирзы были так распространены, что было мало домов, где бы не было стихов мирзы»¹.

Таким образом, внук «железного хромца», Байсункар-мирза менее знаменит, чем Улугбек, во всех отношениях. Тем не менее он представлял собой образованного правителя, приглашавшего к своему двору в Герате многих известных в то время ученых, писателей, художников. Больше всего на свете он любил литературу и собрал огромную библиотеку, ставшую известной далеко за пределами его владений. Он не жалел золота на ее пополнение и содержал мастерскую, где над рукописями трудились искусные мастера-переписчики, каллиграфы и живописцы.

Образ великого правителя и знаменитого ученого в одном лице более удачно, чем Улугбек, воплотил в жизнь его потомок Захир ад-дин Мухаммад Бабур. К 1504 г., вытесненный из Средней Азии кочевыми узбеками Мухаммеда Шейбани (Шибани)-хана, которые, в свою очередь, пришли из Казахской степи под натиском первых казахских ханов Гирея и Джанибека, Бабур обосновался в Афганистане и переключил свои интересы на Индию. Бабур, по его собственным словам, превратился в изгнанника, передвигающегося подобно шахматному королю с одного квадрата на другой. Все его попытки вернуть Самарканд и родной удел — Фергану оказались тщетными. Не помогла даже помощь шаха могущественной Персидской державы, Исмаила I Сефевиды, враждовавшего с кочевыми узбеками. Жажда власти толкала на новые авантюры Бабура, этого способного полководца. При этом Бабур лично принимал участие в сражениях и был ранен: стрела насквозь пробила ему правое бедро, а голова была рассечена косым ударом клинка. В 1512 г. он захватил Кандагар и в течение нескольких лет занимался реорганизацией своего войска, совершенствовал тактику, внедрял огнестрельное оружие, в частности пушки. С 1519 по 1526 г. его войска пять раз вторгались в Индию. Но только пятый поход увенчался успехом, хотя армия Бабура насчитывала 12 тысяч воинов против 40 или даже 100 тысяч солдат и тысячи боевых слонов последнего властелина Делийского султаната Ибрахим-шаха. Войско, с которым пришел в Индию Бабур, состояло из тюрко-монгольских племен Средней Азии — чагатаев, барласов, джалаириков и ираноязычных афганцев — пуштунов и таджиков Кандагара и Кабула. В генеральном сражении при Панипати с блеском проявился полководческий талант Бабура. Слаженные действия конницы и меткий огонь артиллерии, заимствованная у кочевых узбеков фланговая атака обеспечили победу армии Бабура.

¹ Бабур. Бабур-наме (Записки Бабура). Кн. 2. Ташкент, 1982.

Таким образом, Делийский тюркский султанат, сокрушенный в 1398 г. великим предком Бабура Тимуром и вновь возродившийся в начале XV в., в 1526 г. пал в результате нашествия на Индию Бабура, бывшего правителя Ферганы и части земель Моголистана. Поэтому в Индии его самого и тех, кто пришел с ним из Средней Азии, стали называть моголами, а мусульманское государство, которое он основал в Индии на руинах Делийского султаната, — империей Великих Моголов, просуществовавшей затем 300 лет до середины XVIII в. и павшей под натиском Британской империи.

Но Захир ад-дин Бабур знаменит не только как великий государственный деятель и полководец — основатель мировой империи, но и как летописец, историк и поэт. Это был человек одаренный, обладавший пытливым умом и незаурядным литературным талантом. Его труды на среднеазиатском тюрки или чагатайском языке, особенно мемуары *Бабур-намэ*, трактаты по военному искусству, музыке и поэтике и поныне являются ценными историческими источниками для изучения Индии, Афганистана, Средней Азии. Бабур считается великим поэтом и историком мусульманского Востока. Как поэт-лирик, писавший на чагатайском — культурном языке мусульманских тюркских народов Средней Азии, Казахстана и Восточного Туркестана того времени, он уступает пальму первенства лишь Алишеру Навои, влияние которого он, несомненно, испытал.

Бабур-намэ — это не просто повествование в форме записок о событиях богатой приключениями жизни Бабура, а широкое и многогранное произведение. Десятки персонажей, сотни больших и малых событий проходят в повествовании. *Бабур-намэ* отражает своеобразие эпохи, воссоздает жизнь тогдашнего общества во всем ее многообразии. Яркие и живые портреты целого ряда современников Бабура несут ясный отпечаток вдумчивой оценки автором своих героев. Поразительны афористические высказывания Бабура о долге, чести, доблести, чувстве товарищества, где ясно выражена его нравственная позиция — ученого, государственного деятеля, полководца. Книгу Бабура отличает пленительная красота слога, очарование правды, душевности, простоты. В любом разделе книги чувствуется рука художника редкостного дарования, мастера слова, прекрасно владевшего всем богатством тюркского языка. Бабур нарисовал портрет своей сложной и переломной для истории целого субконтинента эпохи — Средней Азии, Афганистана, Индии. Поэтому произведение Бабура является гордостью тюркской прозаической литературы и жемчужиной в сокровищнице мусульманской культуры.

Заботился Бабур и о благоустройстве городов, во многих из которых по его распоряжениям были разбиты сады, выкопаны колодцы. Известно, что в годы правления Бабура шли строительные работы.

В Паламе, близ Дели, была построена мечеть с тремя арочными входами в зал для молитв и четырьмя небольшими минаретами. В Дели тогда же было начато строительство мечети Джамали Камали.

Природа наделила Бабура привлекательной внешностью, личным обаянием, выдающимся умом, цепкой памятью, военными талантами и недюжинными литературными способностями. Судьба Бабура была благосклонна к нему, как и его благодарные дети, которым он передал в наследство созданную им великую империю перед своей смертью в 1530 г., хотя прожил он немного, всего 48 неполных лет. Похоронен он был в Баги-Арам, на берегу Джамны. Позднее его останки были перевезены в Кабул и погребены в саду Баги Вафа, где они покоятся и поныне.

До наших дней дошла великолепная миниатюра с изображением Бабура, исполненная в красках в XVI в., оригинал которой ныне хранится в Британском музее в Лондоне. Художник изобразил Бабура за его любимым занятием — чтением книги. Красивые черты лица Бабура, его увлечение читаемой книгой, равно как и детали щегольского наряда основателя империи Великих Моголов переданы художником чрезвычайно выразительно.

К плеяде влиятельных государственных деятелей принадлежал великий поэт мусульманского Востока Алишер Навои. Он был близким другом и визирем — главой правительства султана Хусейна Байкары, правившего в Герате. Свое служебное положение и возможности он использовал для градостроительства. С его именем связана постройка дворцов, мечетей, медресе, мавзолеев, бань, больниц, бассейнов, мостов, рабадов.

В 1469 г. после нескольких лет борьбы, султан Хусейн установил свою власть в Хорасане. Именно с этого года начинается активная государственная деятельность Навои, его участие в управлении страной.

Официально Алишер Навои трижды занимал различные государственные посты: должность мухрдара (хранителя печати) — 1469–1472 гг., далее, должность главного визиря — 1472–1476 гг. и спустя много лет должность правителя Астрабада — 1487–1489 гг.

Полномочия визиря охватывали широкие аспекты общественно-политической жизни страны. Он зорким глазом анализировал различные вопросы, касающиеся внутренней и внешней политики страны. Навои отодвинул личную жизнь и творчество на второй план. Навои не только днем, но и ночью не покладая рук занимался государственными делами. В *Хайратул аброре* («Смятение праведных») Навои пишет, что «не было времени даже почесать голову, так как поступало очень большое количество жалоб и просьб от населения». Навои вел активную борьбу с грабежом и разбоем. Был не-

примиримым врагом зла и насилия. В своем произведении *Вакфия* Навои отмечает, что из всех сил и стараний боролся против насилия и зла, что сам самостоятельно организовывал борьбу с целью предотвращения всех этих происшествий, даже не сообщая султану. Так же в произведении *Вакфия* Навои сообщает о девяти направлениях дел, возлагавшихся на плечи главного визиря. Среди них важное значение имели международные дела, официальные приёмы, чрезвычайные происшествия, бунты, амнистии, проверка заявлений и жалоб, борьба против разбоя и т. д.

Еще одной отличительной чертой деятельности Навои является его участие в строительстве многих зданий. Под личным руководством А. Навои было построено медресе «Ихлосия» в Герате, где в качестве мударрисов были приглашены ведущие ученые своей эпохи. В южной части медресе была построена хонака (приют суфиев) «Халосия», в западной части от медресе — медицинский центр «Шифоия», где были собраны ведущие лекари Хорасана. В различных уголках Хорасана соорудил более 20 мечетей, более 10 хонака, более 20 водоёмов, 16 мостов, несколько дамб, мавзолеев, построил большой оросительный канал в Мешхеде. Источники сообщают о том, что из собственных сбережений Навои было построено более 300 различных сооружений. Он был также покровителем и вдохновителем творчества многих выдающихся музыкантов, художников, каллиграфов, поэтов, архитекторов. Среди них музыканты устад Кул Мухаммад, Шейх Найи, Хусейн Уди, художники Бехзод и Шах Музаффар, близкий друг Алишера Навои великий поэт мусульманского Востока Абдурахман Джами, творивший в это время в Герате. Алишер Навои создал в Герате обстановку творческих поисков и дискуссий, что сделало Герат городом ученых и мыслителей, где раскрылся талант ученых-естественников — Муллы Шейха Хусана, Муллазаде, который, по словам Бабура, «преподавал науки, когда ему было 14 лет», и многих других. Герат кипел страстями ученых дискуссий и шахматных состязаний, причем сам Алишер Навои был большим любителем шахмат. С Гератом связан расцвет поэзии на чагатайском языке — среднеазиатском тюрки, основоположником которой стал Навои, написавший знаменитые *Чор диван* (четыре сборника, включающие тысячи газелей) и *Хамсу* («Пятерицу»). Бабур писал о нем: «С тех пор как на тюркском языке слагают стихи, никто другой не слагал их так много и хорошо». Вместе с тем львиная доля поэтических произведений написана Алишером Навои на языке фарси, где он тоже прославился и отнесен к знаменитым персоязычным поэтам. Но Алишер Навои был больше чем поэт. При правлении Хусейна Байкары, в немалой степени благодаря усилиям его визиря Алишера Навои, ставшего на всю жизнь соратником, другом и наставником этого правителя, Герат превратился

в один из самых культурных центров мусульманского Востока с благоустроенными базарами с крытыми улицами, роскошными садами со сказочными бассейнами, изящными зданиями мечетей с голубыми куполами, медресе с тонкой росписью, красивыми дворцами и чистыми банями. Базары Герата были представлены полной чашей разнообразных произведений ремесла и продуктов сельского хозяйства, куда стекались изделия из Индии, Персии, Малой Азии, Закавказья, Афганистана. Город постоянно вовлекал в водоворот своей деловой жизни многочисленные караваны, доставлявшие сюда товары из разных стран.

«При Тимуре и особенно после него, в эпоху борьбы Тимуридов за власть, возвысилось и экономически окрепло духовное сословие — мусульманские священнослужители, но более всего — так называемые *дервиши*, бродячие проповедники. Самое большое влияние в Средней Азии в XIV–XV вв. приобрел монашеский орден *накибендиев*.

Основателем дервишского ордена *накибендиев* был уроженец Бухары *Бехаддин Накибенди*, современник Тимура. Идейной основой ордена стал *суфизм* (дервишизм). Суфизм получил широкое развитие в исламе с IX в. Суфизм от арабского слова «суф», то есть шерсть; суфий — человек, носящий власяницу, сермягу. Дервиш — открывающий дверь, переступающий порог на пути к Богу, мистик; в переносном смысле — нищий, бродяга, бедняк. Для внутренней организации суфийских орденов, для ордена *накибендиев* в том числе, характерна строгая духовная иерархия. Существует несколько стадий, или ступеней, приближения суфиев к Богу. Большую роль в суфизме играют требования исполнения ритуальных обрядов, различных магических действий вроде произнесения заклинаний и поминаний.

Орден *накибендиев* добился огромного влияния в Самарканде, Балхе, Герате, Мерве, Хиве, восточной части Ирана, Турции»¹.

И сам Навои был членом суфийского ордена иййа, и, возможно, следуя именно этике суфия, жил очень скромно.

Успехи Алишера Навои на государственном поприще во многом объясняются тем, что «Навои до прихода в Герат на службу к султану Хусейну уже имел определенный опыт в государственных делах, так как служил во дворцах султана Абулкасыма Бабура, султана Абу-Сеида и султана Ахмада». Впоследствии именно этот приобретенный опыт пригодился ему на государственной службе, где он, безусловно, добился больших высот. Образование, любовь к науке и к искусству во многом способствовали раскрытию его таланта государственного деятеля в ряду таких личностей, как Улугбек, Байсункар-мирза, Бабур,

¹ Глуценко Е. Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. М.: Центрполиграф, 2010.

и позволили занять достойное место среди выдающихся деятелей средневекового мусульманского Востока.

Литература

Султанов Т.И. Чингизхан и Чингизиды. Судьба и власть. М., 2006. С. 13.

Бартольд В.В. Работы по истории турецких народов Средней Азии. Тимур и Тимуриды. Сочинения. Т. II. Ч. 1. М., 1963. С. 157–163.

Бартольд В.В. Улугбек и его время. Т. II. Ч. 2. М., 1964. С. 63–96.

Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. Т. V. М., 1968. С. 175–177.

Давидович Е.А. История денежного обращения средневековой Средней Азии. М.: Наука, 1983. С. 145.

Бабур. Бабур-наме (записки Бабура). Кн. 2. Ташкент, 1982. С. 59–60.

Адилов А.А., Сыздыкова Ж. С. Алишер Навои — выдающийся государственный деятель средневекового Востока: портрет на фоне времен // Российская тюркология. М.–Казань. 1(12). С 76–77.

Арафян К.М. Дели. История и культура. М., 1987. С. 96–102.

“SCHOLARS IN POWER” IN THE MUSLIM EAST. THE TIMURID PERIOD

Zhibek S. SYZDYKOVA,

Dr. Sci. (Hist.), professor, head of the department of Central Asian Countries and Caucasus, Lomonosov Moscow State University (11, Mokhovaya St., Moscow, 125009, Russian Federation).
E-mail: ccca-iaas@yandex.ru

Alexandr Sh. KADYRBAYEV,

Dr. Sci. (Hist.), professor, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (12, Rozhdestvenka St., Moscow, 107031, Russian Federation).
E-mail: kadyr_50@mail.ru

Abstract. The article deals with the public activities of the enlightened rulers of the Medieval Muslim East. The authors analyze the events that took place in the Central Asia during the Timurid period. The article examines the years of the rule of Ulugh Beg, Baysunkar-mirza, Babur and Navoi. It is concluded that their multi-talented personalities contributed to high achievements of the state.

Keywords: East, Central Asia, the Timurids, Khorasan, Herat and Transoxiana, Samarkand, statesman, Sultan, vizier, ruler, Islam, Sufism.

